

ГЛАВА 5

Петр проснулся поздним утром от шума подъезжающей машины. Спал он с открытым окном. Так создавалось ощущение, словно он на природе: трещали сверчки, шевелил листву ветер и иногда лаяли собаки из соседних дворов. Это было даже лучше, чем засыпать в квартире под звуки, которые издавала колонка-робот.

Пару раз он даже просыпался ночью, чтобы сделать звук тише, бормотал сквозь сон: «Алиса, тише», — но тише не становилось. Петр вспоминал, что он не в Городе, а в Деревне, и опять засыпал.

В дом вошли трое: Элеонора, Андрей и мужчина в зрелом возрасте, которого Петр не знал. Мужчина был высокого роста, с когда-то правильными чертами лица, с большими зелеными глазами и легкой седой бородкой. По характерным чертам было видно, что он периодически не прочь выпить. У тех, кто злоупотребляет алкоголем, есть общее: легкое пожелтение вокруг глаз, покраснения лица, отечность под глазами, сухая кожа, особенно на руках. Но, видимо, он был не запойным: руки не тряслись, нос не деформировался и был нормального цвета. Впрочем, даже возраст и алкоголь не забрали его статности и благородного взгляда. В молодости мужчина, наверное, очень впечатлял своей внешностью. А по манере держаться можно было узнать в нем человека интеллектуального труда.

— Привет, друг! Ты еще спишь? Не похоже на тебя, — прокричал Андрей, заходя в дом.

— Тут спится хорошо, — ответил Петр и поднялся с кровати.

— И спиться тоже, — посмеялась Эллочка. — А мы тебе сюрприз привезли... живой.

Петр натянул майку и шорты, потянулся. Посмотрел на вошедшего мужчину.

— Виктор, — представился тот.

— Петр, — протянул руку для приветствия молодой человек.

В комнате повисла тишина.

— А чего вы не позвонили? — обратился он к Эллочке и Андрею. — Я бы хоть что-то к чаю купил.

— Да мы, в общем, не собирались, все спонтанно вышло. А к чаю мы сейчас на машине сгоняем. Эллочка, поехали со мной, чтобы я не пропустил магазин, — сказал Андрей. — А ты, как обычно, козинаки будешь? — обратился он к другу.

— Можно и козинаки, если они там продаются. И чаю листового купи, а то мне этот из пакетиков уже надоел, я был вчера в магазине и забыл.

Андрей с Эллочкой ушли. Петр спросил мужчину:

— А вы по какому делу? Дом посмотреть? Элеонора говорила, что продавать его собираются. Тут хорошо. Вам понравится.

— Нет. Я не по поводу дома приехал. — ответил мужчина. — Я к тебе.

Петр удивленно на него взглянул, задавая немой вопрос: зачем я вам?

— Дело в том, что я твой отец. И я тот человек в сером балахоне, который сидел в углу в библиотеке, когда ты разговаривал со Служителем в ПМЖ во время комы. Еще я приходил в больницу, следил, чтобы для твоего тела было сделано все, что нужно, дабы поддержать его в хорошем состоянии, чтобы, когда твоя душа вернулась, у тебя было меньше проблем. По-моему, мы справились, да?

— Да, — машинально согласился Петр и добавил, — вы же шаман, так сказал Человек в Коричневом капюшоне, которого вы назвали Служителем.

— Да, есть такое дело, и мой отец, и мой дед были шаманами. И ты тоже. Я давно за тобой наблюдаю. Сейчас тебе нужна моя помощь. Инициация прошла, но что-то пошло не так после. Твои вибрации не совсем похожи на вибрации белого шамана. Но и на вибрации черного они не похожи. И в ПМЖ точка сборки не поменялась. Что-то пошло не по плану, и вот я здесь, чтобы помочь тебе стать на этот путь, поддержать твои первые шаги.

— Я, честно говоря, ничего не понимаю в том, что вы говорите. И почему вы не дождались, пока я вернусь в Город?

— У нас не так уж много времени до твоего главного испытания.

— Какого испытания? — удивленно спросил Петр. — Про испытание мне никто не рассказывал.

— Испытание состоит в том, что тебе придется познакомиться с нижним миром и дать ему отпор. Это испытание проходят все белые шаманы.

Он несколько секунд помолчал, потом продолжил:

— Наше тело несовершенно. Покажи, где здесь туалет, всю дорогу терпел.

— Конечно, только здесь туалет на улице. Пойдемте, я вас провожу.

Они вышли из дома, через двор подошли к саду. Слева от входа в сад, за деревьями на земле обреченно торчала коробка с дыркой в полу — деревенская уборная. Виктор направился к желанной цели, а Петр гулял по саду, прикидывая, что следующим здесь лучше сделать, чтобы его привести в хоть какой-то порядок. Потрудиться предстояло прилично, и вряд ли он успеет все сделать до своего отъезда, но, например, обработать деревья от вредителей или выкосить еще какую-то порцию сорняков он мог вполне.

Его мысли прервал Виктор, быстро сделавший свои телесные дела:

— Когда твоя мать забеременела, мы еще какое-то время жили вместе. Но уже перед самыми родами она ушла от меня. Сбежала в один день, забрав свои вещи. Я ее искал после этого. Город большой, я не знал, где она жила, откуда она. В общем, не нашел я. Уже гораздо позже, тебе, наверное, тогда лет 7 было, я случайно столкнулся с ней на улице. Но она только бросила, что не хочет, чтобы я с тобой общался. И что она сказала тебе, что я умер. На мои вопросы, почему она ушла, ответила, что поняла, что меня не любит и я ей не нужен, а жить из-за ребенка — это глупо. Дабы я не уговаривал ее, ушла по-тихому. Я очень любил твою мать. Долго не мог вообще на женщин после смотреть. Но потом как-то все стерлось. Да и в роддоме, где я работаю, много женщин. Как-то начал я постепенно отношения с ними вести разного характера. Но до сих пор не женился. Ты мой единственный ребенок, Петр. Я очень рад, что сейчас мы встретились.

Виктор попытался обнять Петра. Но тот инстинктивно отстранился.

— Вы простите. Я все понимаю, и никаких претензий к вам не имею. Но обнимать вас не могу. Мне вообще сложно дается контакт с чужими людьми. А вы хоть и являетесь моим биологическим отцом, но я вас не знаю. Да и к тому же, вы мой отец только по вашим словами, мы это с вами еще не проверяли. Правда, я также понимаю, что вам нет смысла мне врать, поэтому верю. Но сыновних чувств обещать не могу.

Петр сорвал с дерева вишню, потер ее о футболку и надкусил.

— Вишня познания? — пошутил Виктор.

— Там вообще-то яблоко было, — Петр отправляет ее в рот, кривится, а потом выплевывает. — Кислая.

Когда они вернулись в дом, Эллочка уже заваривала чай,

а Андрей заботливо раскладывал сладости по тарелочкам. В кухне Михаил возился с газовой печкой.

— О, давно в этой хате столько людей не было. Прямо праздник какой-то. — сказал он, приветствуя Виктора и Петра.

— Эллочка, ты же помнишь, что сегодня день Деревни? Народные гуляния намечаются. Вы все как раз приехали, развлечетесь. У нас тут обычно весело, музыканты приезжают из города. В этот раз вроде будет Александр Н. Стар. Хрен его знает, кто это, но наш глава администрации постарался, говорит знаменитый рокер какой-то, правильный, неправильным сейчас не дают выступать.

— О, движняк, я ни разу не был на деревенском празднике! Эллочка, давай останемся! — Андрей просящим взглядом посмотрел на девушку, сложив ладони в молящемся жесте.

— Андрей, я же тебе говорила, что у меня куча работы. Я не могу остаться, а ехать на автобусе с пересадками мне вообще не улыбается. Давай как-нибудь в следующий раз. — сопротивлялась Элеонора.

— Праздник Деревни только раз в году. А в этом у нас еще юбилей — 150 лет со дня ее официального основания. Так-то тут и раньше люди жили. Оставайтесь, завтра поедете. — поддержал просьбу Андрея Михаил.

Они все сидели за столом и пили чай, Михаил долго не решался задать вопрос дочери, но потом все таки спросил:

— Дочь, а вы это, вместе с Андреем? Вы пара?

— Папа, какая тебе разница? Андрей просто мой друг. — Эллочка явно не хотела разговаривать с отцом на эту тему.

— Жаль. — отец расстроено помешивал ложечкой чай. — А че? Симпатичный парень. И машина у него неплохая. Видно, что бедствовать не будете, если поженитесь.

Андрей с удовольствием наблюдал за общением папы и дочери. Она раскрывалась для него с новой стороны. Ему,

конечно, не понравилось, что она сказала Михаилу, будто они просто друзья. Но он не стал опровергать ее слова. Однако потом обязательно спросит ее: «Это так теперь называется?»

— Да, машина неплохая, — согласился Андрей. — Honda Civic Type R. Огонь! Не самый дорогой автомобиль, конечно, но зачем нам эти мерседесовские понты? А эта супер! Красивая, агрессивная, горячая! Как ваша дочь!

Михаил посмотрел на него с вызовом.

— Вы видели, как она выглядит? — продолжал Андрей. — Обвес по периметру кузова, расширенные арки колес, три «ствола» выхлопного тракта по центру бампера и затемненная оптика.

— Ну и как ездит? — уже больше с интересом, чем с вызовом, спросил Михаил.

— Зашибись она ездит! У нее четырехцилиндровый мотор с 16-ю клапанами и турбокомпрессором, который генерирует 320 «коней» при 6500 об/минуту и 400 Нм вращающего момента при 2500—4500 об/минуту. С места до 100 км/ч моя пантера «катапультируется» по истечению 5.8 секунды. Стритрейсеры каждый раз облизываются, когда я на ней приезжаю.

— А кто это, стритрейсеры, как их там? — споткнулся о незнакомое слово Михаил.

— Уличные гонщики. По ночам на городской площади собираемся с ребятами и гоняем. — ответил Андрей.

— А я тоже на своей ласточке гоняю. Она у меня с полпинка разгоняется. Видел, Волгу мою? Да она твою Хонду порвет.

— Да ну, это корыто? В каком-то фантастическом фильме, но не в жизни.

Остальные пили чай и без интереса слушали их разговор. Эллочка вообще залипла в телефон, читая новости.

— А че? Давай покатаемся? Вот и выясним, кто кого. Моя ласточка против твоей пантеры.

— Папа, может, не надо? — протянула Элеонора.

— А давайте! — Андрей был воодушевлен этой мыслью. Гонки по деревне — это что-то новенькое. Он любил новый опыт.

Они вышли на улицу. Две машины стояли рядом: белая Хонда Цивик Андрея и серебристый Газ-24 Михаила. Андрей подошел к корыту своего оппонента, пощупал высокую антенну на правом крыле.

— О, никогда таких на машине не видел.

— А это для мощного радиоборудования. Тут непростые люди ездили в этой машине в советское время.

Оба мужчины сели по своим коням, гордо посмотрев друг на друга. Михаил завелся не сразу, но после долгих уговоров и приличной дозы мата Волга тронулась. Крутя ручку, которая открывала окно, отец Элочки крикнул Андрею:

— Вон видишь то дерево, — указал на большой развесистый тополь вдалеке. — До него примерно 400 метров. В той стороне никто не живет, так что наше соревнование будет чистым. Поехали.

Обе машины довольно резко стартовали, к удивлению Андрея. Сначала Волга отставала, но через несколько секунд обогнала Хонду и вырвалась вперед. Дорога явно не была похожа на асфальт, к которому привык Андрей. Он, конечно, и в Городе местами полный швах, но это асфальт. По проселочной, ухабистой дороге молодой человек еще на такой скорости не ездил. Но азарт уже захватил его в свои объятья. На долю секунды его внимание с дороги перешло на внутреннее: «Да как же так?». Давит на газ еще сильнее. Еще поднажать.

Свист в ушах от скорости и — мощный удар! Он аж подскочил, хорошо хоть ремнем безопасности был пристегнут. Машина попала в яму и колесо выбило. Передняя часть Хонды лежала на земле.

— Вот б**ь, — выругался водитель.

Михаил доехал до дерева и только там увидел, что Хонда Андрея пострадала от встречи с неровностями деревенской дороги.

Подъехав, Михаил с явным удовлетворением, кинул молодому человеку:

— О**енно покатались, стритрейсер, епт. Поехал я в мастерскую за ребятами, на тягаче вывезут тебя и посмотрят, что там.

Приехавший на тягаче мастер сказал, что тут работы минимум на неделю и завтра Андрей не сможет уехать на своей машине. А также что будут только китайские запчасти, потому что японские уже не поставляют. Чтобы их заказать, нужно долго ждать и придут они втридорога.

— Санкции. Что поделаешь. — обреченно констатировал мастер, а потом добавил, посмотрев в сторону Хонды. — Скоро вообще будешь ездить на китайских тазиках или нашей новой Ладе без гидроусилителя. Так что ты, парень, береги машину.

Поверженный в неравном бою с деревенской дорогой автомобиль на тягаче отвезли в мастерскую местного Кулибина, а Андрей, казалось бы, совершенно не расстроившись поломке машины, сказал:

— Ну вот, теперь точно попадем на праздник Деревни.

И добавил:

— Слушайте, Михаил, а как это вы меня умудрились на этом корыте обогнать?

— Не обижай мою ласточку! Это не корыто, а волга-догонялка. Внешне она не отличается от обычной волги, но внутри у нее мощный мотор в триста лошадиных сил. Эти машины специально выпускались для КГБ. Она могла за несколько секунд развить скорость в пару сотен километров в час. А еще у нее раньше была секретная аппаратура. Но когда машина ко мне попала, аппаратуру уже сняли. Это в начале девяностых было. А подарил мне ее городской бандит. Его уже поди и в живых нет. Он тогда со своей беремен-

ной жинкой приехал к родственникам. Была зима, все снегом занесло. А ей рожать приспичило. За мной послали. Я, конечно, не врач, а ветеринар. И до того дня и после ни разу у женщин роды не принимал. Но у коров — обычное дело. В колхозе работал. Ну вот и принял я роды. Все получилось хорошо. А он мне потом эту вон волгу пригнал в благодарность. Это была моя первая машина. До сих пор катаюсь. Берегу ее. Я так по делам на копейке своей езжу, за сеном там, ну или на огород за речкой. На этой только по праздникам.

Ближе к вечеру друзья вместе с Виктором отправились на праздник. Туда же подошел и Михаил. Начинался вечер скучно и малообещающе. Похоже, только Андрей воспринимал все с восторгом, происходящее ему было в новинку.

Видно было, что к этому дню деревенские жители готовились заранее, с большой энергией и основательно. На центральной улице, около дома культуры, украшенного разноцветными шарами, развернулась ярмарка, где сельчане продавали самодельные товары: кто выпечку, кто вязаные салфетки, а кто утварь из дерева. Запах шашлыка, свежей выпечки сводил Андрея с ума, он заметил, что впервые за долгое время хочет есть, не после травы, а просто так. Из динамиков слышалась попса 90-х про «ясный мой свет, ты напиши мне» и «белые розы», видимо, диджеем была завклубом, молодость которой проходила в это время. Особенно нравились Андрею лица людей, счастливые и беззаботные, по настоящему оставившие свои повседневные дела, коров, сено и чистку навоза.

Конечно же, на праздник были приглашены почетные гости: глава района, депутат областной Думы (целых два), директор местной агрофирмы, начальник отдела культуры района. Приехали даже корреспонденты районного канала.

Но самым важным гостем был Александр Н. Стар с группой «Вау-банк». Его ждали больше всего. Прежде гостей из Москвы такого уровня здесь живьем никогда не видыва-

ли. Но, похоже, спецоперация и новая реальность вносили свои коррективы. Поговаривали, что для укрепления духа и поддержки глубинного народа столичные артисты отправлялись по разнарядке на концерты по маленьким городам и деревням, так они зарабатывали очки перед властями, ставя себе метку правильного патриота. За особые заслуги отправляли на «освобожденные» территории Соседней Страны.

Пока Александр Н. Стар готовился, выступали коллективы из соседних деревень и поселений.

Открывал вечер глава администрации, который, несомненно, был любимцем местных (они его выбрали, да, в деревнях пока можно выбрать главу администрации) и не любил много говорить. Поэтому просто пожелал процветания жителям деревни.

Высокие гости из района были более многословными и выглядели неуместно в костюмах и вечерних платьях. Многие из них пытались скрыть свое произношение и фрикативное «г», но им это удавалось через раз.

Петр слушал их и думал, почему сельские жители, которые уехали из деревни, даже если из деревни они перебрались в совсем маленький районный центр на 40 тысяч жителей, так усиленно пытаются скрыть свое происхождение? Как будто им стыдно быть рожденными в деревне. У нас есть даже выражение такое «деревенщина» и «можно бабу вывезти из деревни, но деревню из бабы никогда». Это все такой дешевый цинизм. Громче всех орут на «понаехали тут» те, кто сам «понаехал», но раньше.

Петр думал о том, что когда пришла революция в 17-м и деревенские начали уходить в город, потому что в деревнях есть было нечего, несмотря на обилие ресурсов и земли, вот тогда начался этот процесс унижения деревенских жителей. И первыми, кто унижал их, были сами бывшие соседи, которые из крестьян превратились в рабочих. Отголосок этого проявляется в женщинах и мужчинах, которые пыта-

ются скрыть свое фрикативное «г», потому что по правилам русского литературного произношения нужно было произносить «г» как взрывной.

Эти ставшие городскими большими дядями и тетями на местном уровне рассказывали о том, как прекрасна деревня и как богата она талантами, как они гордятся земляками и все в этом роде. Но звучало неискренне, это звучало так, что ставило границу, видную и понятную каждому, границу между теми, кто уехал и теми, кто остался. А вот о патриотизме к большой Родине, о том, что в это непростое время мы должны все сплотиться и поддерживать наших воинов и вождей они говорили вполне искренне, хотя и также заученными, чужими фразами.

После выступлений районных шишек с рассказом об истории Деревни на сцену вышел местный краевед. После него планировалось состязание для молодежи. А пока вновь показывали окрестные виды на больших экранах, поставленных на сцене перед Домом культуры.

— Это наш глава администрации выбил эти два больших телевизора, где сейчас Деревню показывают. — с гордостью отмечал Михаил, обращаясь к Виктору и пытаясь сделать акцент на том, что они тут не льком шиты и не в лаптях ходят. — Он у нас вообще мужик ого-го! Болеить за родину малую и че самое главное, не пьющий. Тут мало таких. А ты, Витя, пьешь?

— Бывает, — отвечал его собеседник, — у нас как в роддоме не пить? Если не пить, так и с ума можно сойти: то помрет кто, то 24 часа родить не может. Страшно бывает. А хряпнешь рюмашку, так тебе и сам черт не страшен. Помогает!

— Да и не говори, я вот сам иногда могу. Так-то я вообще не пью, полгода могу не пить и даже год. А потом, как нажрешь до чертиков, что ногами вперед чуть ли не выносят. Плохо мне на следующий день — умираю. Кажется, сдохну. И потом год могу не пить. Ага. Ну а иногда, редко правда,

как найдет на меня че, так опять нажрусь. То ж Верка, мать Элкина, и ушла от меня, в город подалась. В райцентр. Мужик у нее там появился. Ну а мне как, мужику, одному жить? Мне в хозяйстве баба нужна. Корову подоить, исть приготовить. Ну и с бабой, оно легче как-то. Галка, нынешняя моя, тоже лаиться, как собака, если пью. Но оно редко бываить, поэтому не сильно. Ейный бывший муж вообще от пьянки подох, замерз зимой, пьяный шел и замерз. А бил ее как! Синяя вся ходила. Поэтому со мной Галке нормально. Я не бью. Я добрый. А Элка, она уже не в меня пошла. Вредная зараза! В мать! Ейной породы.

Михаил достал из пакета, который принес с собой, бутылку прозрачной жидкости, две рюмки.

— Ну че, давай за знакомство! Вижу, хороший ты мужик.

— Водка?

— Обижаешь! На хрен мне эта водка? Стоит, зараза, дорого, а качество плохое. Наш самогон, местный, соседка варить, добавлять туда фруктов и корки апельсиновые. Красота получается. Ну попробуй.

Михаил разлил самогон по рюмкам, мужчины чокнулись и выпили, не закусывая.

— Первую можно и не закусывать. А потом лучше с закуской. Щас пойду у девок шанежек куплю — отлично под выпивку!

На сцену вышел местный краевед и начал свой рассказ.

— Наша Деревня раскинулась на ровном песчаном месте, по обоим берегам реки, причем большая ее часть находится на левой стороне. Деревня была основана по положению Военного Совета на месте бывшей Слободы. Слобода была основана в 80-е годы 18 века войсковым старшиной Бобриковым. Он родился в семье известного войскового старшины. На службе находился с 1775 г. Свой расцвет Деревня переживала на рубеже 19—20 веков и в начале 20 века. Так, например, только в 1897 году здесь родилось 30 мальчиков и 35 девочек, а всего детей до 16 лет насчитывалось

778 (их них 381 мальчиков и 397 девочек). Расцвет Деревни был связан с тем, что через нее проходил Столичный тракт. По всему юрту имелись богатые залежи каменного угля и антрацита, железной и марганцевой руд, известняка, лучших сортов плитового и строительного камней, которые шли на сооружение мостовых и тротуаров городов. После революции все изменилось. И Деревня перестала быть значимым местом.

Михаил и Виктор уже выпили две трети бутылки самогона, закусывая шанежками и другими вкусностями, которые им дали просто так, потому что как не покормить дорого гостя и уважаемого в деревне человека, который почти каждому дому помогал в тот или иной сложный момент с животинной: если корова не могла отелиться — звали Михаила, дохли кролики — звали Михаила, собаки чумкой болеют — тоже звали его. Животные для деревенских жителей были не просто дополнением их домашнего интерьера, в них и была их жизнь.

— Витя, давай еще выпьем, — наливая в стопку самогон, настаивал Михаил, — мы же с тобой почти коллеги. А что ты думаешь по поводу происходящего с миром? Вот дочь моя говорить, что нам всем пиздец. Она умная девка, конечно, но все равно дура. А наш глава администрации говорить, что Россию ждет великое будущее, главное показать этому коллективному Западу кузькину мать. Ты вот человек умный, скажи, что ты думаешь.

Обычно, когда люди изрядно выпьют, они обсуждают интимные темы и политику, в теперешнее время политику обсуждают все, даже в трезвом виде. Виктор старался не вести диалоги о политике, ибо ему не хотелось влиять ни на чье мнение, а зачем кому-то навязывать свое, он тоже не понимал. Помимо того, что он служил миру в качестве шамана, в обычной жизни он был врачом, акушером-гинекологом, работал в роддоме и каждый день имел дело с жизнью и смертью. Его пациенты не спрашивали его, а каких

ты политических взглядов? А что ты думаешь по поводу коллективного Запада? Одни были еще слишком малы, чтобы думать об этом, они вообще не могли думать в полном смысле этого слова, а другим было явно не до политики. Сложно о ней думать, когда тебя разрывает изнутри что-то настойчивое, требующее жизни, лезущее на белый свет. Даже если над твоей головой летят самолеты и падают бомбы. Но Виктор как человек думающий анализировал информацию, которая ему была доступна, и делал свои выводы.

То ли сказалось выпитое, то ли ему хотелось поделиться своими мыслями, но он не стал переводить тему и выдал все так, как обдумывал в своей голове.

— Я не политик и даже не социолог, Миша. Но я читаю новостные каналы в разных источниках. К тому же я неплохо знаю историю. Так вот что я тебе скажу. Реальные механизмы работы мира не такие, какими кажутся. Нет хороших и плохих в общепринятом смысле. Каждая группа действует в своих интересах. Причём публично заявленные причины не совпадают с реальными основаниями для поступков данных групп. Политики говорят одно, делают другое, думают третье. В современном мире это эффективный способ «мутить воду» в условиях радикальной информационной прозрачности и невозможности скрыть внешние проявления каких-либо манипуляций. К примеру, нельзя скрыть прохождение колонны танков, но вот «замутить» причину этого прохождения — вполне. Причём именно через подачу огромного количества разнонаправленных сигналов, переизбытка новостей. Среди них может быть и правда, но она будет эффективна закрыта «шумом».

У Виктора проявлялась одна черта, когда он выпивал: он говорил, как будто читал лекцию. Это объяснялось тем, что обычно, когда он что-то обдумывал, он писал в своей голове книгу, которая никогда не будет издана.

— Подожди, я ничего не понял. Я так вижу: пиндосы нас ненавидят и используют Соседнюю Страну, чтобы нас до-

стать. Но мы им отвечаем. Это не война с Соседней Страной, это война с коллективным Западом. Я вот только боюсь, как бы не началась Третья мировая. Мне и тикать, если че, нельзя. Куда я от своего хозяйства? Коров же с собой не потянешь.

— А она уже идет, Третья мировая. Но это не та война, в которой воевали наши отцы и деды во время Второй мировой. Большие фронтальные войны уходят в прошлое. Их место занимают гибридные войны, которые ведутся не для какой-то определенной победы и не до какого-то победного конца. Отличительная часть гибридных войн: основные сражения происходят в умах, новостях, сюжетах-объяснениях, тестовых вбросах, фейках, пропагандистах. Это время «множества правд». Поэтому для нас, обывателей, они могут вспыхивать и заканчиваться довольно неожиданно.

— Ты че, тоже не патриот, не пойму я че-то? А как же наша великая Русь? Мы за что боремся? — Михаил начал кипятиться, ему явно не очень нравилось то, что говорил Виктор.

— Я патриот и люблю свою страну, как и ты. Я просто хотел сказать, что нынешняя война, как и другие будущие войны, а будет еще не одна...

— Откуда ты знаешь, что не одна? — прервал его Михаил.

— Наоборот, мы сейчас боремся за мир во всем мире. Ты что, ясновидящий?

— Нет. Это просто анализ происходящего. — Виктор редко говорил о своем шаманском даре, но часть того, что он говорил — это действительно выводы из того, что он видел в мировой библиотеке в Пространстве Между Жизнями.

Бутылка была уже допита. А Виктор продолжал:

— Войны сегодня — это всего лишь еще один инструмент передела сфер влияния, сбрасывания социальной напряженности, развития экономики. А также это способ пометить себя как «свой — чужой», заработать дополнительные политические очки. Все это на фоне постепенной инфантилизации населения и роста бытового благосостояния, особенно в го-

родах. Все это стимулирует диванные войска и конформность. Большинство из нас боятся потерять то, что есть, даже коров.

— Это ты на меня бочку катишь, говоря про коров? Это я-то конформист и диванные войска? Да ты поживи в деревне с мое.

Михаил вышел из себя, поднялся и агрессивно посмотрел на Виктора, закатывая рукава праздничной рубашки. Подбежала Элеонора.

— Папа, ты опять пьешь. Виктор, с ним нельзя пить. Он, когда пьет, становится не очень адекватным. Пойдем уже домой, — закричала она на него.

— Не беспокойся Элеонора, все нормально. — сказал Виктор. — Я помогу тебе его довести до дома. Да и сам пойду уже в тот дом, что ты нам с Петром любезно предоставила. Мне пора спать. Я тоже малость выпил.

Он посмотрел своими зелеными глазами в глаза Михаила, что-то прошептал, и тот совсем успокоился.

— Как вы это сделали? — спросила Элеонора. — Одним взглядом. Обычно, он пока с ног не свалится, не успокоится.

— Да это не сложно. Сложно младенцев с того света доставать. — ответил он Эллочке, а потом обратился к Михаилу.

— Ну что, Миша пойдем? По дороге поговорим.

— А теперь спортивный конкурс — перетягивание каната. — раздался голос ведущей из микрофона. — Зрелые против молодежи, отцы против детей. Давайте посмотрим, кто сильнее.

— О, давайте останемся. Посмотрим, кто сильнее, мы, мужики, или вы, пацаны! — весело поддержал Михаил. Хмель немного вышел из него, и он довольно ровно стоял на ногах.

Приготовили толстый канат. Молодые парни собрались с одного конца каната, мужчины постарше — с другого. Михаил взял Виктора за руку и потащил к канату.

— Пошли, Витя, покажем этим пацанам, что есть еще порох в пороховницах!

— А что, давай, — согласился тот.

— Я тоже, пожалуй, поучаствую, только с другой стороны, — подхватил Андрей и стал на сторону деревенской молодежи.

Соревнование началось. Верх брала то одна, то другая сторона. Постепенно тянущих канат становилось больше с обеих сторон. Все кричали, подначивали друг друга. И все же перевес сил был на стороне мужчин постарше. «Прям архаика против модерна», — прокомментировал Эллочка и присоединилась к модерну по ту сторону каната, где был Андрей и другие парни. Выпитые сто грамм самогона придали ей уверенности, хотя девушкой она была там единственной. Но победа все же плавно перетекала на сторону архаики. Петр сидел и наблюдал за этим. Андрей кричал ему: «Иди сюда, че ты там сидишь, эээх, поднажмем». Петру интереснее было смотреть за битвой, чем участвовать в ней. Но то ли настойчивые приглашения друга, то ли скука заставили его встать и принять участие в перетягивании каната на стороне молодежи. Петр взялся за канат, встав позади Элеоноры, уперся ногами в землю, потянул на себя, дернул со всей силы, почувствовав еще силу других людей. Еще несколько рывков. И канат был на их стороне.

— И победа достается молодым! — подытожила ведущая. — В подарок вам набор самодельного шоколада от нашего спонсора, кондитера Марии. Возьмите.

Рослый парень, в котором Петр узнал того самого здоровяка, выпивающего с другом и подружкой Ленкой возле магазина вчера, взял корзину с шоколадом, спустился ко всем и предложил выпить за победу!

Михаил и Виктор собрались уходить с праздника, так как уже изрядно набрались. Михаил предложил Виктору заночевать у него, поскольку в доме у его матери всего два спальных места.

— Эти двое, моя дочь и ее хахель, вместе лягут, скорее всего. Ну и сынок твой там. А тебе не на полу же ютиться. А у меня большой дом, там четыре комнаты. Ну и можно беседу продолжить.

Они ушли. А молодежь сидела за общим столом и выпивала.

— А вы, городские, не такие уж и слабаки, как я думал. Давайте выпьем за знакомство. Ну, Эллочка, за твоих друзей! — сказал здоровяк. — А помнишь, как я мальцом от тебя отхватывал за то, что у твоей бабки Прасковьи яблоки воровал? Ух, я ее боялся в детстве, твою Эллочку. — это он уже Андрею.

— Она уже 14-летней девахой была, а мне было 8 лет. А сиськи у нее уже тогда были, ого-го. Я засматривался. Смотри, чувак, — он обратился к Андрею, — обидишь ее, будешь иметь дело со мной.

— Да ее обидишь, — рассмеялся Андрей, — она сама кого хочешь может с одной левой уделать.

— Это точно, — согласился здоровяк.

Они пили, закусывали. Андрей старался самогон незаметно выливать, потому что просто отказаться здесь не получалось. Начиналось «ты меня уважаешь». А он вообще алкоголь не любил, алкоголь делал голову тяжелой, а чувства притупленными. Когда ему хотелось немного оторваться от реальности, он курил траву. Более тяжелые наркотики он пробовал и одно время даже зачистил. Но понял, что вещества начинают им управлять, поэтому перестал употреблять их. Анаша же в его жизни осталась, потому как была единственным, что не подавляло его волю.

Петр сидел рядом с молодым человеком, которого он чуть не убил в альтернативной реальности, тот иногда посматривал на него, как будто пытался узнать и не мог.

— Слушай, где мы с тобой могли видеться? — наконец спросил он.

— Вчера я выходил из магазина, а ты с твоим другом — Петр указал на здоровяка, — и его девушкой пили пиво, у мотоцикла, припаркованного рядом с магазином.

— А, да. Ты тот чувак, которого хотела заклеить Ленка, чтобы Санек приревновал. А то я смотрю рожа знакомая. У тебя память хорошая. Один раз видел и уже запомнил.

«Еще бы», — подумал Петр, — знал бы ты, чувак, что на самом деле произошло там у магазина, ты бы тоже запомнил».

— Ну давай за нас и за мир во всем мире! — сказал художавый парень.

Они чокнулись, выпили. И тут со сцены раздался радостный голос ведущей.

— Друзья, наконец-то. Сейчас на сцену выйдет Александр Н. Стар и его группа «Вау — банд». Рок-группа с большой историей. Настоящие знаменитости и борцы за правду!

На сцену вышел престарелый рокер, немного залежавшийся в пыльном сундуке времени, и его музыканты. Они тряхнули гитарами, как стариной, колонки засвистели и народ тоже. Такое представление, конечно же, не могло начаться без вступительного слова. И Александр Н. Стар, немного похожий на клоуна, с которого стерли косметику, а выражение лица стереть забыли, патетически начал. Сейчас все звезды, которые не попали в опалу, начинают патетически, по законам нового времени.

Я одним из первых поддержал наше освободительное движение в Соседней Стране! И все время рассказываю со сцены, что несмотря на то, что мы с соседнестранцами братья, им нельзя простить их предательства, того, что они прогнулись под коллективный Запад. У нас, странных народов, особая миссия. И Запад боится нас. Поэтому они хотят разделить братские народы и победить так. Это змея, которую соседнестранцы пригрели на своей груди. И она сейчас показала себя во всей красе. Они не правы. Мне очень жаль, что мои братья соседнестранцы продались за дешевые по-

дачки. Но мы, странцы, не продаемся! И сейчас нам нужна внятная идеология, потому что, когда идет борьба за правду, мы все должны для себя понять, на какой мы стороне, на стороне света или на стороне тьмы. Мы с вами на стороне света, на стороне освободительного движения!

— Фу, параша, — крикнула Эллочка, — очередной проповандон! Как же вы достали, пособники убийц! Когда же вы уже угомнитесь, жополизы хреновы!

Она поднялась на сцену, плюнула демонстративно под ноги Александру Н. Стару и убежала. Все произошло настолько быстро, что никто не успел предотвратить этот несанкционированный выпад в сторону уважаемого гостя. Андрей побежал за ней.

А Петр остался. Не то чтобы ему было интересно послушать очередное творение ура-патриота, но он подумал, что Элеоноре и Андрею нужно побыть вдвоем. Песня, которую затянул Александр Н. Стар была так себе. Она протягивала абсолютно понятные идеи о спасении братского народа, даже если цена будет большой для всех. Слушать ее было мерзко: из-за текста, из-за того, что такая философия попахивала тухлятиной, из-за того, что рокеры и попса поменялись местами.

Мой брат Иван стоит перед мной,
Нажал он на курок, стреляет.
А помнишь, Ваня, как мы с тобой,
В кораблики играли?
И бой идет, мой брат передо мной,
заставила его война,
Я тоже должен, я перед тобой,
Но ты не прав.
Забыл ты, Ваня, вместе мы с тобой,
У бабушки гусей гоняли по двору,
Воспитаны и вскормлены одной
Мы матерью. Я это не сотру.
И около реки с тобою мы росли,

И ты, и я.
Ну как же так, хочу тебя спросить,
Ты стал мне враг.
Но я-то помню, я тебя спасу,
Ты не просил,
Но я же знаю, я тебя прошу,
Мой бог, дай сил!
Идут бои, мой брат передо мной,
Заставила его война,
Я тоже должен, я перед тобой,
Но ты не прав.
В тебя вселился черный змей,
Шипит в тебе,
Ты предал мать, ты предал жизнь,
Ты как во сне.
Пригрел змею ты на своей груди,
Мой брат Иван.
Но лучше я убью тебя, прости,
Но ты не прав.
Спасу я душеньку твою
мой милый брат,
А мать простит, она поймет,
Что прав.
Стоим с тобой по обе стороны реки,
Пора уж змея мне убить, пора.

Похоже, многим понравилась песня. Люди одобрительно кивали, и говорили, что да, нам, простым людям, что делить? И надо спасать своих братьев.

«Нет, — подумал Петр — Мы видим, как вы спасаете. Спасаете города Соседней Страны от заводов, жителей, домов, машин». Сейчас Петр чувствовал что-то похожее на испанский стыд, на который, как шутили, тоже наложили санкции. Вроде бы и не он сочинил эту песню, не он исполнял со сцены, не он напал. Но ведь он здесь, смотрит на того, кто говорит о правде и спасении души через насилие. Он тоже часть этого.

Петру очень хорошо знакомо было вот это спасательство без спроса, когда кто-то лучше тебя знает, что тебе надо. Спасательство — это и есть агрессия, но агрессия, которая прикрывается ложью добра и любви. Любовь — это свобода. А спасатели лишают спасаемых свободы. И если спасаемые сопротивляются, то все средства хороши. Можно и убить, если что, хотя бы душу спасти. Агрессия под маской любви!

А Андрей бежал за Эллочкой по пересеченной местности. Уже темнело, видимость становилась плохой, Андрей боялся потерять из виду ее силуэт.

Впереди была речка. Эллочка подбежала к ней, на несколько секунд остановилась. Чуть не упала, так как была уже изрядно выпившая. «Блин, она же говорила, что плохо плавает», — подумал Андрей. Через речку был перекинут самодельный мост, гнилой и ненадежный, и Эллочка намеревалась его перейти. Но, дойдя до середины, поскользнулась и упала в реку. Она боролась с водой, которая поглощала ее, а потом выплевывала. Сильное течение сносило ее. Она сопротивлялась, но река была сильнее. И она сдалась. Просто закрыла глаза, перестала барахтаться. «Какая глупая смерть», — пронеслось в ее голове. Еще несколько секунд, и вода заполнит ее легкие. Сопротивляться бесполезно.

Но тут она почувствовала, что кто-то, держа ее за руку, поднял над водой, ухватив за талию. Они поплыли к берегу. В эту секунду Элеонора потеряла сознание. Очнувшись уже на другой стороне реки от того, что кто-то делал ей искусственное дыхание и больно нажимал на ее грудную клетку. Вода прыснула изо рта Элочки, она закашлялась.

— Ну ты дура, Селиверстова, — это был Андрей. — Какое хрена ты поперлась через этот ушатанный мост?

Она молчала.

— Ты хоть понимаешь, что могла умереть?

Она ничего не говорила.

— Ладно, ты в состоянии идти? Надо возвращаться.

— Я не хочу никуда идти. Я не хочу никого видеть.

Она почти протрезвела.

— А куда ты бежала?

— Я не знаю. Я просто бежала, от всего, что сейчас происходит. Как будто от этого можно убежать. Но я чувствовала, что мне надо на другую сторону.

— У тебя получилось. Мы на другой стороне, — улыбнулся Андрей.

— Да, благодаря тебе, — она впервые с нежностью посмотрела на него. — Может, мы посидим здесь, пока не обсохнем? Или пока полностью не стемнеет. Не хочу идти по деревне с прилипшим к телу платьем.

— Давай посидим. — согласился Андрей. — Он смотрел на нее с любовью и даже боялся думать, что было бы, если бы она утонула. — Я теперь внимательно буду за тобой следить. Мне совсем не хочется потерять тебя.

— Андрей, я не могу с тобой быть, я вообще не могу быть с мужчинами. Все, что между нами было, это всего лишь секс, ну и дружба. Ты хороший парень.

— Почему ты не можешь быть со мной?

— Я женщин люблю. Не хотела тебе говорить, но теперь, наверное, самое время.

— Ты думаешь, я не догадывался? Я не просто догадывался, я это знал. Или, вернее, так скажем, ты раньше встречалась только с девушками. Пока не встретила меня.

— Ты был всего лишь экспериментом. Новым опытом. Но я не хочу так с тобой поступать. Поэтому ты должен знать правду.

— А я ее и так знаю. Я вообще уже все про тебя знаю. Я знаю имена всех, с кем ты встречалась, где ты училась, какие у тебя были оценки, сколько раз тебя задерживала полиция и какая у тебя задолженность по налогам. Я собрал о тебе всю информацию, которую только смог. Единственное, чего я не пойму, так это почему ты боишься отношений.

— Я не боюсь их. Просто мне они не нужны. Я люблю свободу. Да и какая тебе разница. Меня не возбуждают мужчины. Правда, с тобой было по-другому.

— Да, по-другому. Тело не может врать. Я знаю, ты тоже любишь меня, твоё тело мне об этом рассказало. Я это ни с чем не перепутаю. Ты боишься мужчин. Но со мной ты в полной безопасности.

Он потянулся к ней, чтобы поцеловать. Но тут её стошнило, потом ещё раз. Видимо, выходило выпитое. Он держал её волосы, чтобы она не измазала их блевотой. А она думала, что это самый милый жест с его стороны, который только он мог сделать.

— Ты знаешь. Когда мне было 3 месяца, мне делали операцию. — освободив желудок, начала говорить Элеонора. — Я не могу помнить, конечно, этого. Но мама говорит, что зафиксировали клиническую смерть. У меня был брат-близнец, сиамский близнец. Мы были сращены в области правой руки. Она была у нас одна на двоих. Нам делали операцию, она вроде бы должна была быть не очень опасной. Но он умер на операционном столе. А я нет. Но была клиническая смерть. И я готова дать голову на отсечение, что ту картину, которая потом меня долго преследовала во снах, я в первый раз увидела там. Во время клинической смерти. Я видела себя ребенком, вокруг которого был светящийся шар, я лежала на операционном столе, в крови. А надо мной склонились люди в коричневых балахонах с капюшонами. Пока ониковырялись в моих внутренностях, шар пульсировал и менял цвет. Рядом были такие же дети. И это была не больница. Это была лаборатория. Над нами проводили эксперименты. Что-то вставляли, вшивали. С тех пор я чувствую себя уродом, а правую руку вообще не чувствую своей. Меня не покидает ощущение глобального эксперимента. Мы все какие-то подопытные хомяки, как те, что были в самодельной лаборатории Петра. Едим корм и не обращаем внимание на то, что мы в этой жизни, как в клетке. За пределами клет-

ки точно что-то есть. В общем, каждый человек напоминает мне такого хомяка. Я все больше чувствую себя хомяком. А еще мне сложно быть с женщиной. Каждый раз это напоминает мне о том, что я живу, потому что мой брат умер.

— Я и эту историю про брата тоже знал. Все, что записано в детские медицинские карты, легко достать при помощи профессиональных сыщиков и какого-то количества денег.

— Ты что, шпионил за мной? — ей это явно не нравилось.

— Не шпионил. Узнавал информацию.

— Ты всегда так делал, когда у тебя появлялись девушки?

— Нет. Только если у меня были серьезные намерения.

Да, кстати, я хотел спросить, ты выйдешь за меня замуж?

— Нет, — отрезала она и засмеялась.

— Я так и думал. — улыбнулся Андрей. — Знаешь, в тот момент, когда ты с моста упала в воду, у меня в голове пронеслась картинка, которую я видел, когда мне было 10 лет. Я тогда не смог спасти маму. Я не пытался. Я просто убежал, потому что мне стало страшно. С тех пор, если мне страшно, я делаю то, чего боюсь. Тогда я боялся воды, потом я пошел на плавание. Я боялся скорости — я стал гонять. Я боялся отношений — я стал их заводить.

— А что случилось с твоей мамой? — спросила Эллочка.

— Она утонула в реке, я видел это, но от страха просто убежал. А когда я прибежал уже с людьми, ее не было. Ее тело нашли чуть дальше того места, где она утонула — унесло течение.

Он не плакал, а у Элочки наворачивались слёзы на глаза. Она обняла его, он приблизил свое лицо к ее, чтобы поцеловать.

— Фу, Андрей, я же 15 минут назад блевала.

— Ну и пусть.

Их поцелуй был долгим, жарким и страстным. А после поцелуя их ждало сплетение тел: мужского и женского —

в порыве вырваться из клетки жизни. Во время оргазма люди немного умирают, а потом воскресают для новой, уже немного измененной, жизни.